

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ



В. Н. Лисович

Круг САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧАЩИХСЯ XIX ВЕКА

УДК 37(091)
ББК 74.047.8г

В статье анализируется круг самостоятельного чтения школьников Петербурга XIX века. Источниками для статьи послужили произведения эпистолярного жанра обозначенной эпохи. Статья предназначена педагогам, студентам, аспирантам и исследователям истории детского чтения.

Ключевые слова: круг самостоятельного чтения; внеклассная школьная литература; публичные и школьные библиотеки; самообразование; книжная спекуляция.

V. N. Lisovich

THE CIRCLE INDEPENDENT STUDENTS' READING OF ST. PETERSBURG IN THE XIX CENTURY

The article examines the circle independent students' reading of St. Petersburg in XIX century. Sources for articles were the works of the epistolary genre of the designated era. The article is intended for teachers, students, graduate students and researchers of the history of children's reading.

Key words: circle independent reading; extra-curricular school books; public and school libraries; self-education; book speculation.

В XIX столетии детское чтение становится одним из важнейших воспитательных средств. Поэтому государство и общественность, понимая влияние чтения на ценностное и мировоззренческое формирование

подростающего поколения, стали контролировать круг детского чтения и регламентировать издававшуюся книжную продукцию для детей. В изучаемый период публиковались специальные циркуляры, каталоги и

указатели рекомендуемой родителям и учебным заведениям детской литературы, в которых были представлены произведения различных авторов, желательных с точки зрения государства и общественного для полноценного развития российского юношества.

Однако потребности в чтении самих детей не всегда совпадали с этими рекомендациями, что подтверждает ряд проанализированных автобиографических произведений учащихся того времени. Поэтому в статье предпринята попытка анализа круга самостоятельного чтения учащихся петербургских учебных заведений. Источниками для такого исследования послужили мемуары, письма, дневники петербургских школьников XIX века. Это обусловлено столичным положением Петербурга, репрезентивностью его самой масштабной в России школьной

системы. Использованный мемуарный комплекс представлен воспоминаниями учащихся следующих петербургских учебных заведений: Царскосельский лицей, кадетские корпуса города, Первая, Вторая, Третья и Четвертая мужские гимназии, женские институты.

Содержание статьи позволяет ответить на следующие вопросы:

— Что читали учащиеся того времени, помимо рекомендованных государством и обществом произведений?

— Какие условия влияли на литературные предпочтения подрастающего поколения?

— Какие ценности приобретали учащиеся, по их собственному мнению, в процессе чтения самостоятельно выбранных ими произведений?

Анализ 20 автобиографических источников¹ позволил сделать вывод о

¹ Андрияшев А. Ф. Воспоминания старого педагога // Русская старина. 1911. № 10. С. 151–158; Буланова-Трубицкая О. К. Три поколения. М.: Гос. из-во, 1928. 215 с.; Воспоминания В. А. Панаева // Русская старина. 1901. № 9. С. 481–510; Горбунова-Посадова Е. Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М.: Толстовский музей, 1929. 112 с.; Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811–1817). Бумаги I курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб: Академический проект, 1998. 512 с.; Дневник И. И. Шамшина // Русская старина. 1916. № 7. С. 150–157; Зайлиский А. Кадетская юность // Отечественные записки. 1862. № 11. С. 185–235; Императорский лицей в памяти его питомцев: Царскосельский Лицей (1811–1843) / Сост., введение А. Б. Михайловой. СПб.: Наука. 2011. 503 с.; Институтки: Воспоминания воспитаниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой. М.: Новое литературное обозрение. 2001. 576 с.; Князь Н. Имеретинский. Пажеский корпус в 1843–1848 годах. Записки старого пажа // Русский Вестник. 1887. № 8. С. 663–703; Ковалевская Н. Воспоминания старой институтки // Русская старина. 1898. № 9. С. 611–628; Ковиов Р. В., Шевелев А. Н. Кризисы отечественного воспитания: история и современность: монография. СПб: «Любавич», 2016. 368 с.; Кругликов Г. Надсон во 2-й СПб военной гимназии // Кадет-Михайловец. 1908. № 2. С. 11–19; Лыкошин Н. Во 2-й СПб военной гимназии. Из воспоминаний (1870–1877) // Кадет-Михайловец. 1910. № 7. С. 24–28; Маев Н. Из прошлого 2-й Петербургской гимназии // Русская школа. 1894. № 2. С. 29–39; Станюкович К. М. Маленькие моряки // Русская школа. 1893. № 3. С. 32–46; Полевой П. Н. Два педагога (Из школьных воспоминаний) // Исторический вестник. 1892. № 12. С. 675–693; С. фон-Дерфельден. Воспоминания старого кадета // Русская старина. 1903. № 7. С. 75–84; Фон-Бооль В. Г. Воспоминания педагога // Русская старина. 1904. № 4. С. 111–123; Эвальд В. Ф. Из школьных воспоминаний В. Ф. Эвальда // Русская школа. 1890. № 6. С. 68–91.

том, что круг самостоятельного чтения школьников был весьма разнообразным и зависел от множества обстоятельств.

В процессе исследования внеклассной школьной литературы были выяснены следующие условия, которые влияли на детское чтение:

- общественно-политическая обстановка в стране, формировавшая моду в том числе и на детское чтение;

- рекомендации педагогов;

- низкая пополняемость, содержательная бедность или жесткая регламентация педагогами пользования школьниками библиотек их учебных заведений;

- стремление к самообразованию, любовь к чтению как альтернативному учебным целям источнику удовлетворения детской познавательной активности;

- предлагаемый рынком детской литературы (издатели и книготорговцы) содержательный спектр и маркетинговые приемы продажи детских книг.

Круг самостоятельного детского чтения изучаемого периода является составным компонентом более широкой категории «круг детского чтения». Она включает: учебную литературу, которой ученики овладевали в процессе обучения; внеклассную литературу (используемую вне урока, но по рекомендации учителей); самостоятельно выбираемые учениками произведения, которые предоставлялись домашними и публичными библиотеками, либо приобретаемыми у книготорговцев или обмениваемыми у других учеников книгами и журналами. Под «внеклассной школьной литературой» понимаются «те произведения, которые не были предметом изучения (в школе — Л. В.), но были распространены между учащимися и даже переписаны ими в их тетрадки»¹.

Кроме того, возможным источником для самостоятельного детского чтения могли быть текстовые фрагменты «ученического самиздата», представленного рукописными ученическими журналами и альбомами. Целью таких журналов и альбомов, специальных тетрадей «школьного фольклора» было сокрытие от контроля педагогов переписываемых и создаваемых самими учениками произведений. Но этот компонент круга детского чтения той эпохи требует специального изучения в силу ограниченности и слабой сохранности источников информации о нем.

Анализ круга самостоятельного чтения учащихся зависит от задаваемой современным исследователем его периодизации, которая, в свою очередь, привязана к определенным эпохам в истории отечественной культуры того времени. Это осознавали уже современники. Например, известная русская писательница и литературный критик, М. К. Цебрикова (печатавшая под фамилией Николаева — Л. В.) по этому поводу говорила: «Я не думаю рекомендовать наше чтение

¹ Незлобин С. П. Внеклассная школьная литература // Русская школа. 1893. № 1. С. 61.

детям девятидесятых (1890-х — Л. В.) годов: каждой поре свои птицы и свои песни»¹. Но в данной статье представлены воспоминания учащихся разных хронологических отрезков, что позволяет, на наш взгляд, составить общую картину читательских интересов петербургских учащихся.

XIX век был эпохой неоднократных существенных изменений общественной жизни, что отражалось на литературных предпочтениях учащихся. В. Ф. Эвальд, учитель истории и в дальнейшем инспектор Пятой мужской гимназии, будучи воспитанником Третьей мужской гимназии в первой трети XIX столетия, вспоминал: «Патриотические “думы” Рылеева тогда очень нравились нам и были распространены в рукописных сборниках. <...> У нас, например, имелись в рукописях «Горе от ума», «Триумф», “Думы” Рылеева»². К. И. Фишер, воспитанник Второй мужской гимназии того же времени, в своих мемуарах также рассказывал о заинтересованности политической жизнью страны, вспоминая: «Политикой мы занимались настолько, что с жадностью списывали и усердно хранили запрещенные стихи. Помню, что у меня списана была сатира Рылеева “Временщик”»³.

В середине XIX века «в литературе, в обществе начали раздаваться модные, либеральные словечки; пошли всюду толки о предстоящих гуманных реформах. Все это проникало в кадетскую среду. <...> Кадеты жадно набросились на чтение <...> критические статьи, а в особенности публицистические, которые прочитывались с захватывающим интересом»⁴.

А. П. Буланов, будущий русский революционер-народник, будучи воспитанником Морского кадетского корпуса, снабжал своих сотоварищей нелегальной литературой, поскольку «среди воспитанников корпуса было тогда много юношей, читавших и интересовавшихся освободительным движением»⁵.

Таким образом, в исследуемый период учащиеся активно интересовались общественной жизнью страны, ими руководило чувство патриотизма и неравнодушие к судьбам Родины.

Учителя на протяжении всего столетия относились к самостоятельному чтению своих воспитанников по-разному. Одни придерживались позиции, что читать можно, но только разрешенные наставниками и родителями произведения, предполагая, что «лучше поменьше читать, чем читать вредные книги»⁶. Другие педагоги были

¹ Николаева М. К. Страница из истории нашего женского домашнего воспитания в недавнюю старину // Русская школа. 1893. № 1. С. 47.

² Эвальд В. Ф. Из школьных воспоминаний В. Ф. Эвальда // Русская школа. 1890. № 6. С. 80.

³ Ковшов Р. В., Шевелев А. Н. Кризисы отечественного школьного воспитания: история и современность: монография. СПб. 2016. 368 с. С. 251.

⁴ С. фон-Дерфельден. Воспоминания старого кадета // Русская старина. 1903. № 7. С. 80–81.

⁵ Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. М. 1928. 124 с. С. 160.

⁶ Станюкович К. М. Маленькие моряки // Русская школа. 1893. № 2. С. 24.

убеждены в общем «возвышающем значении литературы»¹, стараясь привить детям любовь к чтению, развить литературный вкус, раскрывая мир разнообразия литературных жанров, что предполагало расширенный круг детского чтения и стимулирование его самостоятельного характера.

П. Н. Полевой, русский литературовед и переводчик, будучи учеником Пятой мужской гимназии 1850-х годов, в своих мемуарах с большой благодарностью и теплом вспоминал о своем учителе словесности Н. П. Корелкине. Стараясь удовлетворить его жажду к чтению, Н. П. Корелкин приглашал его к себе домой на литературные вечера, устраиваемые у него в квартире. Там в процессе споров и дискуссий Петр Николаевич приобщался к литературному миру: «Помню <...> весьма продолжительный спор по поводу тогда только что явившейся литературной новинки — второй части «Мертвых душ» Гоголя — спор, который натолкнул меня на понимание значения критики и незаметно, при помощи Корелкина, перевел к чтению Белинского»².

В отличие от юношей, девушки в институтах благородных девиц с самого их основания воспитывались в полной изоляции от внешнего мира в духе смирения и жесткого подчинения контролю классных дам. Нравственным каноном того времени считалась непорочность. Классные дамы берега-

ли институток от греховных страстей, поэтому их внеклассное чтение также было под контролем и подвергалось ограничению или полному запрету. Впрочем, воспоминания воспитанниц свидетельствуют о том, что такие запреты имели часто только формальный характер и девушки находили возможность тайком получать из домашних библиотек и передавать друг другу для прочтения некоторые книги (как правило, беллетристику), которые не получали официального педагогического одобрения.

Стремление к серьезному чтению высмеивалось. Начальница Николаевского института говорила: «Зачем им душу возвышающее (чтение — Л. В.), это надо народ возвышать, а они и так из высшего класса. Им важно невинность воспитать»³. Таким образом, ученицы не имели доступного подходящего чтения, которое могло бы их заинтересовать.

Поэтому прибытие К. Д. Ушинского, русского педагога и писателя, в качестве инспектора Смольного института благородных девиц в 1859 году, сильно повлияло на чтение молодых девушек. Е. Н. Водовозова, русская детская писательница и педагог, вспоминала: «Нашему оживлению и развитию помогало и то, что наш библиотечный шкаф, в котором никогда не было ни одной книги для чтения, наполнился номерами журнала «Рассвет» Кремпина и други-

¹ Станюкович К. М. Указ. соч. С.29.

² Полевой П. Н. Два педагога (Из школьных воспоминаний) // Исторический вестник. 1892. № 12. С. 682.

³ Горбунова-Посадова Е. Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М. 1929. С. 14.

ми книгами, пригодными для чтения юношества»¹.

Можно сделать вывод о том, что на протяжении всего столетия существовали «истинные», равнодушные к развитию детской личности педагоги, которые верили в воспитательное значение детского самостоятельного чтения.

Состояние школьных библиотек во многих петербургских учебных заведениях XIX века было различным. С одной стороны, формально они существовали, но почти не играли особой роли в развитии детского чтения. Это объяснялось тем, что школьники либо не имели доступа к ним, либо библиотеки не пополнялись, и поэтому школьники не проявляли к ним интереса. С другой стороны, встречались и случаи их полного отсутствия. Мемуарные свидетельства педагогов и школьников разных петербургских учебных заведений показали, что последнее обстоятельство было распространено не только в первой половине столетия, но и на протяжении всего исследуемого периода.

В. Г. фон Бооль, российский военный педагог и публицист, в своих воспоминаниях о сороковых годах, рассказывал о том, что воспитанники первого кадетского корпуса «читали только книги, привезенные из отпуска или подаренные в награду; никакой библиотеки в заведении не было»².

А. Зайлинский, вспоминая о своей кадетской юности пятидесятых годов, рассказывал о том, что в их корпусе была большая библиотека, но книги кадетам не выдавались «из опасения, чтобы переплеты не пострадали в их руках»³. Поэтому школьники самостоятельно и с большим трудом доставали сочинения Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, пряча их от инспекторов, которые отнимали все «без разбора, считая все это (чтение — Л. В.) вольнодумным и вредным для молодежи»⁴.

А. Филонов, общественный деятель и исследователь детского чтения, в 1861 году писал: «Стоят шкафы с книгами; ест их пыль и моль; тлеют сокровища, а ученикам почти не дают книг. <...> Иной воспитанник с жадностью прочел бы что-нибудь, да ему не дают <...> Массе учеников, дабы они не заразились вольным духом, выдают азбуковники, буквари, учебники старые-престарелые, пустые детские книжки и прочую дребедень»⁵.

Н. С. Лыкошин, воспитанник Второй мужской гимназии семидесятых годов, вспоминал: «Но книги эти (имевшиеся в библиотеке гимназии — Л. В.) нам не особо нравились, потому что здесь преимущественно можно было найти «Журнал военно-учебных заведений» за старые годы, сочинения военно-исторические, Марлинского и т. п. Новые авторы совершенно от-

¹ Водовозова Е. Н. На заре жизни, и другие воспоминания: в 2 т. Москва-Ленинград, 1934. Т. 1. С. 565.

² Фон-Бооль В. Г. Воспоминания педагога // Русская старина. 1904. № 4. С. 121.

³ Зайлинский А. Кадетская юность // Отечественные записки. 1862. № 11. С. 216.

⁴ Там же. С. 216.

⁵ Филонов А. О чтении и библиотеках // ЖМНП. 1861. Ч.СХІ. С. 198.

существовали в каталогах наших библиотек, а все, что было, мало тогда нас интересовало, кроме детских романов Эмара, Майн-Рида, Купера и Жуля Верна»¹. В связи с таким положением учебных библиотек, некоторые даровитые школьники старались попасть в Императорскую публичную библиотеку.

Например, В. Я. Стоюнин, российский педагог и публицист, вспоминал о своем пребывании в Третьей мужской гимназии в 1840-х годах: «В гимназиях библиотеки существовали не для учеников. Покупать же книги или подписываться было не на что. Какое удовольствие, когда одному из нас, еще пятнадцатилетних мальчиков, случилось узнать, что в Петербурге есть Императорская библиотека, куда три раза в неделю можно всякому ходить читать серьезные книги. Мы получили входной билет с номером, записали название одной из тех книг, которые уже давно были намечены и с этого дня любознательность понемногу стала удовлетворяться»².

Таким образом, на протяжении всего столетия начальством и воспитателями учебных заведений библиотека как средство образования подрастающего поколения не рассматривалась, поскольку либо школьные библиотеки существовали, но не обновлялись должным образом, либо учащиеся не допускались к их фондам. Но этого нельзя сказать о прогрессивно мыслящих учителях, которые преодолевали

формальные запреты и, увлекая своих воспитанников, включали их в круг современной литературы. Таких педагогов со второй половины XIX века становилось все больше.

Нельзя не упомянуть об организованных попечителем Петербургского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным еще в конце 1840-х годов и распространенных на мужские гимназии всей России «литературных беседах», к участию в которых предлагалось допускать наиболее подготовленных и развитых учеников. Этот кратковременный опыт (до 1848 года) был попыткой реализации третьей «стратегии» развития читательских интересов учащихся — под полным контролем педагогов и не для всех учеников, а только для избранных и наиболее способных. Именно этот третий вариант стал нормативным во второй половине XIX столетия, когда школьные библиотеки стали разделять на ученическую и фундаментальную (для учителей) части. Доступ в фундаментальную библиотеку своей гимназии ученик получал только с разрешения направляющего его туда учителя.

Также можно сделать вывод о том, что Лицей и Училище правоведения на протяжении изучаемого столетнего периода представляли элитарное исключение из этой общей модели. Здесь круг детского чтения был гораздо более свободным и, главное, поощряемым для учеников, а также

¹ Лыкошин Н. С. Во 2-й СПб военной гимназии. Из воспоминаний. Кадет Михайловец. 1910. № 7. С. 25.

² Ковшов Р. В. Шевелев А. Н. Указ. соч. С. 277.

обеспеченным обширным содержанием библиотек этих учебных заведений и поддерживаемым элитным составом преподавателей.

На круг детского самостоятельного чтения также влияли личные особенности юных читателей, в частности, индивидуальное стремление к самообразованию. Оно объяснялось несколькими причинами, среди которых:

— естественное желание многих «скуки не зная», стать разносторонне развитой, интересной личностью. Учащиеся старались отслеживать литературные новинки. Например, в своих письмах дяде А. М. Горчаков, воспитанник Царскосельского лицея первой трети XIX столетия, писал: «Карамзин все еще торгуется с типографщиками и не может условиться. Некоторые из наших, читавшие из нее («История государства Российского» Н. М. Карамзина — *Л.В.*) отрывки, в восхищении <...> Спешу, любезный дядюшка, первый обрадовать Вас вестью, что выходят полные сочинения Жуковского, столь долго ожидаемые публикой <...> Жуковского вторая часть давно вышла, то есть я уже видел ее у многих в лицее, но сам не получил»¹;

— попытки восполнить свои пробелы в образовании, которое, например, в первом кадетском корпусе, где учился К. Ф. Рылеев, будущий русский поэт и декабрист, было не-

полным и «не блистало никакими достоинствами»². Например, Д. А. Кропотков, русский военный писатель, вспоминал: «Как он (К. Ф. Рылеев — *Л. В.*) признавался своему отцу, он был великий охотник до книг и не терял времени. Он мог читать по-французски и по-польски.<...> По нескольку местам из его писем тех годов можно догадаться, что он прочитывал французских философов»³;

— любовь к чтению, воспитанная в семейном кругу, которая проявлялась и во время их обучения и которая фиксируется на протяжении всего столетия. Так, обучаясь в Царскосельском лицее в начале XIX века, князь А. М. Горчаков, в своих письмах к тете Е. Н. Пещуровой писал: «Если вас интересует, дорогая тетенька, знать, что я читаю, скажу вам, что, несмотря на мой решительный вкус к чтению, который довольно старого происхождения, я могу похитить лишь очень мало минут для своего любимого занятия; но эти похищенные минуты мне тем приятнее; теперь я только что окончил «Эмиля» Руссо, <...> начал посмертные сочинения Фридриха, т. е. «Историю моего времени и Семилетней войны»⁴.

Г. Кругликов в своих воспоминаниях о русском поэте С. Я. Надсоне, который был воспитанником Второй петербургской военной гимназии (1860—1870-е годы), рассказывал о том, что все свое свободное время он

¹ Императорский Лицей в памяти его питомцев: Царскосельский Лицей (1811—1843). СПб. 2011. С. 62, С. 96.

² Цит. по: *Котляревский Н. А.* Декабристы. СПб. 2015. С. 327.

³ Там же. С. 327.

⁴ Императорский Лицей. Указ. соч. С.72.

посвящал чтению, «читая без разбора все, что попадалось под руки»¹.

ХІХ век стал временем становления отечественного книгоиздания и книготорговли. Дореволюционный исследователь детского чтения С. П. Незлобин, обобщая свои наблюдения, писал, что, при покупке учебников, учащиеся получали в виде бесплатной премии произведения различных авторов, которые охотно ими читались: «И вот, вкус к чтению определился: учащиеся уже набрасываются на известного сорта книги, которые они называют «красивыми», «занимыми»². По мнению многих исследователей детского чтения того времени, литература такого сорта становилась началом «извращения нравственного мира и эстетического вкуса» школьников³. Нельзя не отметить, что такая реклама произведений «лубочной» литературы, не всегда была нужной для детского развития, но была весьма действенна в процессе формирования читательских интересов школьников того времени.

Чем же было ценно чтение для школьников **ХІХ столетия?** Ответим словами современников изучаемой эпохи. А. М. Горчаков размышлял: «Люблю подчас заняться нашими писателями, восхищаться их вымыслами, изучаться их наставлениями»⁴. А. Д. Иличевский говорил: «Чтение

питает душу, образует, развивает способности, <...> там лежат сокровища, из коих каждому черпать должно. Не худо иногда <...> беседовать с умами Расина, Вольтера, Делиля и, заимствуя от них красоты неподражаемые, переносить их в свои стихотворения»⁵. В. Я. Стоюнин вспоминал: «Романы Лажечникова и Загоскина были для нас настоящею историею, из которой мы почерпали сведения о прошлом, и которые питали наше патриотическое чувство»⁶.

Итак, чтение, сформированное как вид деятельности в юности, становилось безусловной потребностью всякого образованного человека того времени. Учитывая огромную и исторически специфичную роль русской литературы для дореволюционной российской интеллигенции, можно сказать, что книга и чтение становились для образованных людей того времени самоценными. Далее следовали индивидуальные возможные аспекты реализации этой ценности, среди которых могли быть высококультурный досуг и желание не отстать от моды, сознательная программа собственного личностного развития и обязательный компонент гражданского участия в решении общественных проблем. Но не читать в то время для образованного человека было невозможно.

¹ Кружиков Г. С. Я. Надсон во 2-й СПб военной гимназии // Кадет-Михайловец. 1908. № 2. С. 15.

² Незлобин С. П. Указ. соч. С. 67.

³ Там же. с. 66.

⁴ Императорский Лицей. Указ. соч. С. 58.

⁵ Там же. С. 139–140.

⁶ Ковилов Р. В. Шевелев А. Н. Указ. соч. С. 277.

Среди основных факторов, формировавших потребность юношества в самостоятельном чтении, на основании проанализированных источников можно уверенно назвать:

— семью (пример родителей и других «значимых взрослых», интерес к чтению, сформированный в семье);

— чтение в рамках реализуемых программ учебных заведений (классное и внеклассное чтение);

— предлагаемый рынком книготорговли спектр детской литературы, формировавший среди школьников определенную «моду» и откликавшийся на вполне ожидаемые читательские потребности детского возраста (романы, детективы, яркие и занимательные, но упрощенные до типичного детского восприятия книги);

— общественная ситуация каждого исторического периода, которая невольно захватывала своими отголосками и учащихся, стремившихся разобраться в современных им событиях и явлениях.

Необходимо отметить, что сам факт практически полного отсутствия специализированной детской литературы в то время (речь идет о книгах для подросткового, а не младшего воз-

раста), приводил к неожиданному «педагогическому эффекту». Лишенные возможности читать «специальные детские» книги, петербургские дореволюционные школьники вынуждены были интересоваться «взрослой» литературой, невольно вовлекаясь во взрослую жизнь (от которой стремились оградить неокрепшее юношество школа того времени) и потому гораздо скорее социализируясь, приобретая гражданские качества и тем выгодно отличаясь от сегодняшних подростков «виртуальной реальности».

В заключение хотелось бы отметить, что самостоятельное детское чтение так же, как и урочное, являлось на протяжении всего столетия «могущественным фактором развития человека»¹. Воспоминания петербургских учащихся той эпохи показали, что ими читались сочинения разных жанров, выбор которых зависел от внешних социокультурных факторов и внутренних потребностей, как то стремление к самообразованию и любовь к чтению. Рекламная деятельность книгоиздателей также отчасти определяла характер круга самостоятельного чтения школьников.

Список литературы

1. Буланова-Трубникова, О. К. Три поколения / О. К. Буланова-Трубникова. — М.-Л. : Государственное издательство, 1928. — 215 с.

2. Водовозова, Е. Н. На заре жизни, и другие воспоминания: в 2 т. / Е. Н. Водовозова. — М.-Л.: Academia. 1934. — Т. 1. — 294 с.

3. Горбунова-Посадова, Е. Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт / Е. Е. Горбунова-Посадова. — М. : Издание Толстовского музея, 1929. — 112 с.

4. Заилийский, А. Кадетская юность / А. Заилийский // Отечественные записки. — 1862. — № 4. — С. 389—436.

¹ Энциклопедия семейного воспитания и обучения. О чтении детей. СПб., 1909. С. 4.

5. Императорский Лицей в памяти его питомцев: Царскосельский Лицей (1811–1843). – СПб. : Наука, 2011. – 503 с.
6. Ковшов, Р. В., Шевелев А. Н. Кризисы отечественного школьного воспитания: история и современность: монография / Р. В. Ковшов, А. Н. Шевелев. – СПб. : Изд-во «Любович», 2016. – 368 с.
7. Котляревский, Н. А. Декабристы / Н. А. Котляревский. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 480 с.
8. Кругликов, Г. С. Я. Надсон во 2-й СПб военной гимназии / Г. С. Кругликов // Кадет-Михайловец. – 1908. – № 2. – С. 15.
9. Лыкошин, Н. С. Во 2-й СПб военной гимназии. Из воспоминаний / Н. С. Лыкошин // Кадет-Михайловец. – 1910. – № 7. – С. 25.
10. Незлобин, С. П. Внеклассная школьная литература / С. П. Незлобин // Русская школа. – 1893. – № 1. – С. 61–67.
11. Николаева, М. К. Страница из истории нашего женского домашнего воспитания в недавнюю старину / М. К. Николаева // Русская школа. – 1893. – № 1. – С. 47.
12. Полевой, П. Н. Два педагога (Из школьных воспоминаний) / П. Н. Полевой // Исторический вестник. – 1892. – № 12. – С. 682.
13. С. фон-Дерфельден. Воспоминания старого кадета // Русская старина. – 1903. – № 7. – С. 80–81.
14. Станюкович, К. М. Маленькие моряки / К. М. Станюкович // Русская школа. – 1893. – № 2. – С. 24.
15. Филонов, А. О чтении и библиотеках / А. Филонов // ЖМНП. – 1861. – Ч. СХІ. – С. 198.
16. Фон-Бооль, В. Г. Воспоминания педагога / В. Г. Фон-Бооль // Русская старина. – 1904. – № 4. – С. 121.
17. Эвальд, В. Ф. Из школьных воспоминаний В. Ф. Эвальда / В. Ф. Эвальд // Русская школа. – 1890. – № 6. – С. 80.
18. Энциклопедия семейного воспитания и обучения. О чтении детей. – СПб. : Типография Е. Евдокимова, 1909. – 779 с.